

ПИСАТЕЛЬ

И ТЕЛЕВИДЕНИЕ

«МГНОВЕНИЯ» НА ЭКРАНЕ

ВСТРЕЧИ в Останкине читателей с поэтами теперь уже традиционны на телевидении. А вот первая встреча с прозаиком, тем более романистом, встреча, длившаяся больше часа, поставила, разумеется, ряд проблем и перед сотрудниками телевидения, и, конечно, в первую очередь перед главным ее участником — писателем Юрием Васильевичем Бондаревым. Он не мог в отличие от своих коллег-поэтов львиную долю времени посвятить чтению произведений, да и проза на слух воспринимается труднее стихов. Правда, Ю. Бондарев читал из книги, которая в отдельном издании называется «Мгновения», а ее публикации в периодической печати озаглавливались «Страницы из записной книжки», но писатель пояснил, что это не просто отданные в печать листочки блокнота, а особый литературный жанр.

По-моему, и к передаче (она прошла в эфире 25 января) он отнесся не как к очередной встрече с читателями, транслируемой по телевидению, а как к особому жанру прозы. Да, это была проза, устная, но тем не менее полноценная проза, которая, как известно еще со времен Пушкина, требует «мыслей, мыслей и мыслей».

Ю. Бондареву задавались вечные читательские вопросы: «Как возник замысел того или иного произведения?», «Что вы цените в людях?», «Над чем сейчас работаете?» и т. д., но, впрочем, и сама жизнь задает всем нам одни и те же вечные вопросы, и суть в том, как каждый воспринимает их, какую видит в них глубину, какой смысл — тем-то различны и ответы и ответственность людей.

Писателя спрашивают:

— Были ли вы сами участником событий, описанных в «Горячем снеге»?

— Да, был.

Это можно бы считать ответом, но смысл вопроса Бондарев увидел глубже. Он стал говорить о законах прозы, о соотношении реальности и художественного вымысла, о сложной диалектике связи прототипа с героем, о том, что литература не фиксация, не описание, а познание и самопознание, самоутверждение и самонаказание (именно так), о таких понятиях, как совесть, долг и нравственный «категорический императив».

Его спрашивают: «Счастливы ли вы?» И писатель, начиная разговор о себе, о своем понимании счастья, уходит значительно дальше, и, когда кончает словами, что это вопрос романа, вопрос пьесы, вопрос всей литературы, — веришь, что он воспринимает это именно так.

Разговор оказался сложным не только по содержанию, но и стилистически. Ю. Бондарев зачастую начинал фразу, а потом словно зачеркивал ее, комкал и отбрасывал — создавал другую, более емкую и убедительную. Он не стеснялся на глазах зрителей искать слово — то самое, единственное, и, приоткрывая процесс творчества, объяснял, почему нужно сказать, например, «преодолеваемое», а не «преодоленное».

И только на традиционный вопрос: «Почему Вы стали писателем?» — Бондарев не стал отвечать, сказав, что это он уже объяснил, говоря о других проблемах. О литературе и искусстве, о дружбе и доброте, о совести и долге, о жизни и судьбе — об этом и многом другом шла речь в телепередаче. Ее, на мой взгляд, можно считать своеобразным развитием того жанра, в котором написаны Бондаревым «Мгновения».

Е. СЕРГЕЕВ